

Научная статья

УДК: 314.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-71-88

ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ В КЫРГЫЗСКУЮ РЕСПУБЛИКУ: ФАКТОРЫ И ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ

Галина Ивановна Осадчая¹, Ольга Александровна Волкова^{2✉},
Алла Николаевна Оставная³

^{1,2}Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

³Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
Тирасполь, Республика Молдова

¹osadchaya111@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2597-9724, AuthorID РИНЦ: 118648,
AuthorID Scopus: 35737719800, WoS Research ID: G-2163-2017

²volkovaoa@rambler.ru✉, ORCID: 0000-0001-5325-0730, AuthorID РИНЦ: 690209,
AuthorID Scopus: 55962445600, WoS Research ID: S-6912-2016

³alaost@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3011-6034,
AuthorID РИНЦ: 851227, WoS Research ID: AAJ-8999-2020

Аннотация. Цель исследования, представленного в статье: выявление факторов и осуществление оценки социального положения мигрантов, возвращающихся из Российской Федерации в Кыргызскую Республику. Этот процесс вызвал нагрузку на правоохранительную систему, рынок труда и социальную инфраструктуру, а также повлек за собой рост социальной напряженности.

Методология. Работа базируется на материалах трех социологических исследований, осуществленных в 2022–2023 гг. (при помощи методов анкетного опроса и полуструктурированного интервью) Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН совместно с Кыргызско-Российским Славянским университетом, в которых проведен сравнительный анализ миграционных факторов, социального положения, занятости и качества жизни кыргызских трудовых мигрантов в России и возвратных мигрантов в Кыргызстане.

В результате исследования обнаружены факторы возвратной миграции в Кыргызскую Республику: причины и цели миграции, социокультурная специфика семейной жизни мигрантов, источники выталкивания из страны приема мигрантов и притягивания на родине. Возвратная миграция имеет многогранный характер, отражает разнонаправленность миграционного процесса, многообразие профилей мигрантов по видам миграции и социально-демографическим характеристикам. Позитивные самооценки социального положения возвратных мигрантов связаны с объективными изменениями в России и Кыргызской Республике, со сделанными накоплениями во время миграции, а также с субъективным восприятием мигрантами своей жизни на родине. Выявлено, что в Кыргызской Республике возвратную миграцию характеризует ряд проблем: отсутствие специальных программ содействия возвращению и устойчивой реинтеграции возвратных мигрантов в жизнь местных сообществ, неблагоприятное общественное мнение о возвратных мигрантах, имеющих негативный опыт миграции. Обосновано, что регулирование возвратной миграции

в Кыргызской Республике происходит преимущественно в контексте правовой интеграции мигрантов, поэтому есть потребность в оказании им комплексной правовой, экономической, социокультурной и психологической поддержки.

Перспективы исследования заключаются в развитии комплексного анализа возвратной миграции из России в страны Центральной Азии.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, кыргызская миграция, возвратная миграция, социальное положение мигрантов, миграционная политика

Для цитирования: Осадчая Г. И., Волкова О. А., Оставная А. Н. Возвратная миграция в Кыргызскую Республику: факторы и оценка положения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 71–88. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-71-88>.

Original article

RETURN MIGRATION TO THE KYRGYZ REPUBLIC: FACTORS AND ASSESSMENT OF THE SITUATION

Galina I. Osadchaya¹, Olga A. Volkova²✉, Alla N. Ostavnaia³

^{1,2}*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

³*Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Republic of Moldova*

¹*osadchaya111@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2597-9724, AuthorID RSCI: 118648, AuthorID Scopus: 35737719800, WoS Research ID: G-2163-2017*

²*volkovaoa@rambler.ru* ✉, *ORCID: 0000-0001-5325-0730, AuthorID RSCI: 690209, AuthorID Scopus: 55962445600, WoS Research ID: S-6912-2016*

³*alaost@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3011-6034, AuthorID RSCI: 851227, WoS Research ID: AAJ-8999-2020*

Abstract. *The purpose of the study presented in the article is to identify factors and assess the social situation of migrants returning from the Russian Federation to the Kyrgyz Republic. This process has caused a strain on the law enforcement system, the labor market and social infrastructure, and has also led to an increase in social tension.*

Methodology. *The work is based on the materials of three sociological studies carried out in 2022–2023 (using questionnaire survey methods and semi-structured interviews) by the Institute for Demographic Research of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences together with the Kyrgyz-Russian Slavic University, which conducted a comparative analysis of migration factors, social status, employment and quality of life of Kyrgyz labor migrants in Russia and return migrants in Kyrgyzstan.*

As a result of the study, *the factors of return migration to the Kyrgyz Republic were found: the causes and goals of migration, the socio-cultural specifics of migrants' family life, the sources of pushing migrants out of the country of reception and attraction at home. Return migration has a multifaceted character, reflects the multidirectional nature of the migration process, the diversity of migrant profiles by type of migration and socio-demographic characteristics. Positive self-assessments of the social status of returning migrants are associated with objective changes in Russia and the Kyrgyz Republic, with savings made during migration, as well as with migrants' subjective perception of their life in their homeland. It has been revealed that in the*

Kyrgyz Republic, return migration is characterized by a number of problems: the lack of special programs to facilitate the return and sustainable reintegration of return migrants into the life of local communities, unfavorable public opinion about return migrants with negative migration experiences. It is proved that the regulation of return migration in the Kyrgyz Republic occurs mainly in the context of the legal integration of migrants, therefore there is a need to provide them with comprehensive legal, economic, socio-cultural and psychological support.

The prospects of the study lie in the development of a comprehensive analysis of return migration from Russia to the countries of Central Asia.

Keywords: *Kyrgyz Republic, Kyrgyz migration, return migration, social situation of migrants, migration policy*

For citation: *Osadchaya G. I., Volkova O. A., Ostavnaia A. N. Return migration to the Kyrgyz Republic: factors and assessment of the situation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 71–88. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-71-88>.*

Введение. Современная Кыргызская Республика — это страна, характеризующаяся интенсивными миграционными процессами. Согласно официальной статистике Отдела Народонаселения ООН и уполномоченного государственного органа по вопросам миграции Кыргызской Республики, ежегодно порядка 750–780 тыс. кыргызстанцев находятся за рубежом (по оценкам экспертов, контингент кыргызских мигрантов за рубежом составляет порядка 1 млн человек), тогда как численность населения страны составляет 6,6 млн человек¹.

Кыргызских граждан характеризуют различные виды миграции, причем самым массовым и динамичным потоком эмиграции является трудовая миграция. Страны назначения кыргызских мигрантов — это прежде всего Российская Федерация, Республика Казахстан и Турецкая Республика.

Выделяются несколько волн эмиграции из Кыргызской Республики, отличающихся по социально-экономическим профилям мигрантов. В 1990-х и начале 2000-х годов эмигранты из Кыргызской Республики были квалифицированными людьми, занятыми в государственном управлении, сельском хозяйстве, промышленности, образовании. С конца 2000-х годов по настоящее время большинство мигрантов — низкоквалифи-

цированные рабочие из сел. В третьем десятилетии XXI века формируется новая волна оттока из страны, которая состоит из высококвалифицированных специалистов (интеллектуальной, врачей, учителей, ученых). Другая особенность третьей волны эмиграции из Кыргызской Республики это — устойчивый процесс феминизации миграции².

Результаты опросов кыргызских мигрантов в разных странах показывают, что абсолютное большинство кыргызов планируют возвращение на родину, а именно 66,4% респондентов намереваются вернуться в Кыргызскую Республику на постоянное место жительства, 21,5% не уверены в своих планах на этот счет и 12,1% планируют проживать за рубежом. Уровень намерений о возвращении в Кыргызскую Республику имеет социально-демографические особенности. Так планы возвратной миграции чаще высказывают мигранты в возрасте 49–69 лет (в среднем 74%), мужчины (74,4%) чаще, чем женщины (60,3%). По мнению респондентов, решение о возвращении в Кыргызскую Республику возможно при существенных изменениях в политической (улучшение в сфере демократии и стабильности, снижение коррупции, лучшие возможности для бизнеса) и социальной-экономической жизни страны (возможности высокооплачиваемой

¹ Кыргызская Республика. Пражский процесс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pragueprocess.eu/ru/countries/420-kyrgyz-republic> (дата обращения: 15.01.24).

² Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: https://migranty.org/wp-content/uploads/2021/06/06.04.21.ru_koncepcija-migracionnoj-politiki-kr-na-2021-2030-gg.pdf (дата обращения: 15.01.24).

занятости, получения качественных услуг образования и здравоохранения, улучшения качества жизни и др.)³.

Документ «Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы» отмечает ряд проблем, характеризующих возвратную миграцию. Это отсутствие программ содействия возвращению и реинтеграции мигрантов, особенно женщин и детей, лиц, имеющих негативный опыт миграции, в жизнь местных сообществ, а также неблагоприятное общественное мнение о мигрантах, особенно женщинах и тех, кто имеет негативный опыт миграции.

О низкой эффективности программ сопровождения возвратной миграции свидетельствует тот факт, что в период 2013–2020 годов Кыргызская Республика как страна происхождения оказала помощь в возвращении на родину 615 мигрантам. В 2020 году Кыргызская Республика по программам возвращения мигрантов оказала помощь 98 кыргызских граждан (23 из Беларуси, 23 из Чехии, 20 из Германии, 8 из России, 5 из Турции и 19 из других стран)⁴.

Проблематика регулирования возвратной миграции в Кыргызскую Республику приобрела высокую актуальность в 2022 году в связи с увеличением потоков людей из России, состоящих не только из кыргызских мигрантов, но и граждан России. По оценкам экспертов, это обстоятельство вызвало ряд рисков — нагрузку на правоохранительную систему, рынок труда, социальную инфраструктуру, а также рост социальной напряженности⁵. Это влечет за собой сложности как для конкретных людей, так и для государства.

Научная проблема состоит в противоречии между интенсификацией в течение последних лет процессов возвратной миграции из Российской Федерации в Кыргызскую Республику и отсутствием достоверной эмпирической информации о ее факторах и социальном положении мигрантов.

Объект: возвратная миграция из Российской Федерации в Кыргызскую Республику.

Предмет: миграционные факторы и оценка социального положения мигрантов, возвращающихся из Российской Федерации в Кыргызскую Республику.

Цель: выявить миграционные факторы и дать оценку социального положения мигрантов, возвращающихся из Российской Федерации в Кыргызскую Республику.

Библиографический обзор. Проблема возвратной миграции изучается учеными разных стран в различных ракурсах. Ученые исследуют целый комплекс вопросов: особенности образовательной реинтеграции и специфику психосоциального состояния несовершеннолетних, возвращающихся на родину [18; 25], основные стратегии работы по снятию стигмы репатриации и возвращения, практический опыт по осуществлению реинтеграции возвратных мигрантов и их семей [19], объективные и субъективные причины возвращения мигрантов и мотивов, которые ими движут, а также добровольности и принудительности возвращения [27], персонально-личностное развитие вернувшегося мигранта [28], анализ специфики влияния членов семьи на успешность реинтеграции мигранта [30].

Российские исследователи также уделяют внимание изучению процесса возвратной миграции. Исследователями характеризуется воздействие российских экономических процессов и российской миграционной политики на принятие мигрантами решения о возвращении на родину, характеризует «круговую миграцию» [1].

Ученые обращают внимание на рассмотрение специфики возвратной миграции в страны Центральной Азии. К примеру, проводится анализ гендерных особенностей, присущих мигрантам, которые принимают участие в процессах возвратной миграции

3 Отчет, картирование кыргызских диаспор, соотечественников и мигрантов за рубежом [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции. Представительство в Кыргызстане, 2022. С. 33–35. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://publications.iom.int/system/files/pdf/Mapping-of-Kyrgyz-Diaspora-RU.pdf (дата обращения: 15.01.24).

4 Return and Reintegration Key Highlights. 2020 [Electronic resource] // IOM Un Migration. Publications Platform. Geneva: IOM. 2021. URL: https://publications.iom.int/books/return-and-reintegration-key-highlights-2020.

5 Наплыв людей из России не вытеснит. Эксперты опасаются потока вынужденных мигрантов в Кыргызстан [Электронный ресурс]. URL: https://vesti.kg/politika/item/104611-naplyv-lyudej-iz-rossii-ne-vytyanem-eksperty-opasayutsya-potoka-vynuzhdennykh-migrantov-v-kyrgyzstan.html (дата обращения: 15.01.24).

[12]. Взаимосвязь правовых и экономических факторов, воздействующих на протекание реинтеграции мигрантов в странах Центральной Азии, представлена в работе «Реинтеграция возвращающихся трудовых мигрантов в странах Центральной Азии: правовые и экономические аспекты» [8].

Проводятся сравнительные исследования в области миграционной политики стран, которые разрабатывают мероприятия по разработке нормативно-правовой документации и построению комплекса мероприятий, направленных на работу с возвратными мигрантами по их интеграции [5].

Научный труд «Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности» содержит теоретическое описание возвратной миграции, общую характеристику нормативных документов и миграционной политики разных стран, государственные программы содействия возвращению соотечественников, предпосылки управления возвратной миграцией в странах Центральной Азии, программы, реализуемые неправительственными организациями [4].

Тематика миграционных процессов в Кыргызской Республике отражена в научных публикациях. Основные из них характеризуют процесс миграции из Кыргызской Республики [11; 30], особенности адаптации кыргызских мигрантов в России [9; 13], положение кыргызских мигрантов в контексте миграционной политики стран ЕАЭС [3; 6] и Таможенного союза [7], вклад мигрантов в социально-экономическое развитие Кыргызской Республики [14].

Тематике возвратной миграции в Кыргызскую Республику посвящено лишь несколько публикаций. Исследования Л. Сагынбековой свидетельствуют о том, что возвращению на родину с одной стороны способствуют факторы выталкивания из страны миграции: нелегальный статус за рубежом, семейные обстоятельства, трудности, связанные с трудоустройством, и тяжелые условия труда, с другой стороны — факторы притяжения в Кыргызскую Республику: возможность инвестиций, семейные связи, благоприятное психоэмоциональное самочувствие на родине. Проживая в Кыргызской Республике, возвратные мигранты сталкиваются с рядом трудностей: проблемы трудоустройства, низ-

кие возможности для открытия собственного бизнеса, низкие доходы. Отсутствие государственной поддержки экономической активности возвратных мигрантов приводит к тому, что они вновь обращаются к миграционной стратегии. В итоге возвращение на родину не всегда является завершающей фазой трудовой миграции. Практика поведения кыргызов демонстрирует трансформацию возвратной миграции в постоянную, циркулярную или транснациональную миграцию. Таким образом, временной является возвратная миграция, а не трудовая, как планировали мигранты [26].

Аналогичный подход в оценке возвратной миграции применяют другие исследователи. На примере кейса кыргызской семьи трудовых мигрантов исследователь описывает феномен «возвратной мобильности» [24]. Эти многочисленные перемещения связаны со множеством факторов: подсчетом выгод и потерь после переезда, оценкой своей успешности, экономическими возможностями и социальной защищенностью [10].

Методы. Выбранный методологический подход основывается на классических миграционных теориях, объясняющих возвратную миграцию с точки зрения факторов миграции. Теория притягивания и отталкивания исходит из того, что возвратная миграция обусловлена негативными факторами в странах приема мигрантов, которые «выталкивают» мигрантов на родину и позитивными факторами в стране происхождения, которые побуждают к возвращению [17]. Р. Кинг к факторам выталкивания из стран приема мигрантов относит: 1) политическое или социальное давление в новой стране; 2) закон, ограничивающий время проживания; 3) неудовлетворительное жилье; 4) отсутствие экономического равенства и возможностей; 5) проблемы с адаптацией. К факторам притяжения на родину исследователь относит: 1) развитие рынка труда в родной стране; 2) силу семейных связей (включая ожидание женитьбы и оседлости); 3) инвестиции в жилье, землю и работу; 4) надежды на пенсию [21].

Неоклассическая теория объясняет возвратную миграцию ростом выгод в стране происхождения [16], а также тем, что сбережения, сформированные за рубежом, имеют

более высокую покупательскую способность в странах происхождения мигрантов [22].

Настоящее исследование нацелено на описание возвратной миграции в Кыргызскую Республику из России в условиях ее интенсификации в течение последних лет. Также произведен анализ статистических данных и программных документов Кыргызской Республики на предмет регулирования возвратной миграции. Комплексный подход позволяет сформировать целостное представление о возвратных мигрантах. Эмпирическое социологическое исследование, проведенное при помощи метода опроса (анкетирования и интервью), позволило получить достоверную первичную информацию об изучаемом явлении.

На материалах социологических исследований проведен сравнительный анализ фактором миграции и социального положения, во-первых, кыргызских трудовых мигрантов в Москве и Московской области, во-вторых, возвратных мигрантов в Кыргызской Республике. Кроме того, дана характеристика политики Кыргызской Республики в сфере возвратной миграции.

В статье приводятся результаты трех исследований, осуществленных ИДИ ФНИСЦ РАН при сотрудничестве с Кыргызско-Российским Славянским университетом.

Во-первых, проанализированы результаты социологического экспресс-опроса (анкетирования), реализованного с декабря 2022 года по январь 2023 года в Москве и Московской области. В опросе приняли участие 425 респондентов. Применен тип выборки «снежный ком», при котором критериями отбора служили следующие характеристики: трудовой мигрант, гражданин Кыргызстана, работающий в Москве и Московской области.

Во-вторых, использованы данные анкетного экспресс-опроса, проведенного с октября по декабрь 2022 года в Кыргызской Республике. Также использована выборка «снежный ком» (515 человек). Критерии формирования выборки: возвратный мигрант, работавший в России и вернувшийся в Кыргызскую Республику.

В-третьих, привлечены материалы полуструктурированных интервью, осуществленных с июня по июль 2022 года. Собрано и проанализировано 107 интервью. Информанты подбирались при помощи целевой выборки согласно следующим критериям: иностран-

ный гражданин, трудовой мигрант, работающий в Москве и Московской области.

Результаты исследований, осуществленных ИДИ ФНИСЦ РАН при сотрудничестве с Кыргызско-Российским Славянским университетом, позволяют сравнить положение кыргызов в условиях трудовой миграции на территории Москвы и Московской области и в условиях их возвращения на родину. Для двух выборок использовался единый перечень показателей и индикаторов, характеризующих социальное положение мигрантов в целом, особенности их занятости и качества жизни.

Для обработки и анализа данных, собранных при помощи анкетного опроса и полуструктурированного интервью, применялись методы компьютерного анализа данных (SPSS), математической статистики, сравнительного анализа, синтеза, тематического анализа.

Положение кыргызских мигрантов в условиях трудовой и возвратной миграции. Судя по ответам респондентов, социальное положение возвратных мигрантов в Кыргызской Республике выгодно отличается от социального положения кыргызских трудовых мигрантов, проживающих в Москве и Московской области. Возвратные мигранты по многим индикаторам дали более позитивную оценку своего положения и возможностей, чем трудовые мигранты. Хотя, если анализировать отрицательные ответы, то наоборот, их по многим сферам больше у возвратных мигрантов. Для трудовых мигрантов самыми проблемными сферами жизни в условиях миграции оказались: 1) возможности для получения образования; 2) экологическая ситуация; 3) возможности для проведения отпуска, каникул. Для возвратных мигрантов самыми неудовлетворительными условиями проживания в Кыргызской Республике стали: 1) экологическая ситуация; 2) возможности для проведения отпуска, каникул; 3) возможности для обеспечения семьи.

Корреляционный анализ данных этих индикаторов в зависимости от сроков пребывания в стране показал следующую закономерность. Уровень удовлетворенности мигрантов своим положением выше у тех мигрантов, которые обосновались в Кыргызской Рес-

Рис. 1. Удовлетворенность трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами своим положением в различных сферах деятельности⁶, %
Fig. 1. Satisfaction of Kyrgyz labor and return migrants with their position in various fields of activity, %

Рис. 2. Оценка трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами условий занятости⁷, %
Fig. 2. Assessment of employment conditions by labor and return Kyrgyz migrants, %

⁶ Составлено по данным авторского социологического исследования.

⁷ Составлено по данным авторского социологического исследования.

публике и в России от трех и более лет. Это обстоятельство можно объяснить влиянием как объективных, так и субъективных факторов. Позитивная оценка своего положения этой группы мигрантов свидетельствует об их адаптации в стране и, судя по результатам исследования, сроки адаптации составляют порядка трех лет. С другой стороны, пессимистичная оценка своего положения мигрантами, обосновавшихся в Кыргызской Республике

и в России в течение малого срока времени, может быть связано с особенностями субъективного восприятия своего положения — завышенными ожиданиями от миграции.

Доля возвратных мигрантов, указавших, что их работа соответствует знаниям, способностям и возможностям и что она хорошо оплачивается, втрое больше, чем доля трудовых мигрантов, ответивших так же. При этом среди трудовых мигрантов больше респон-

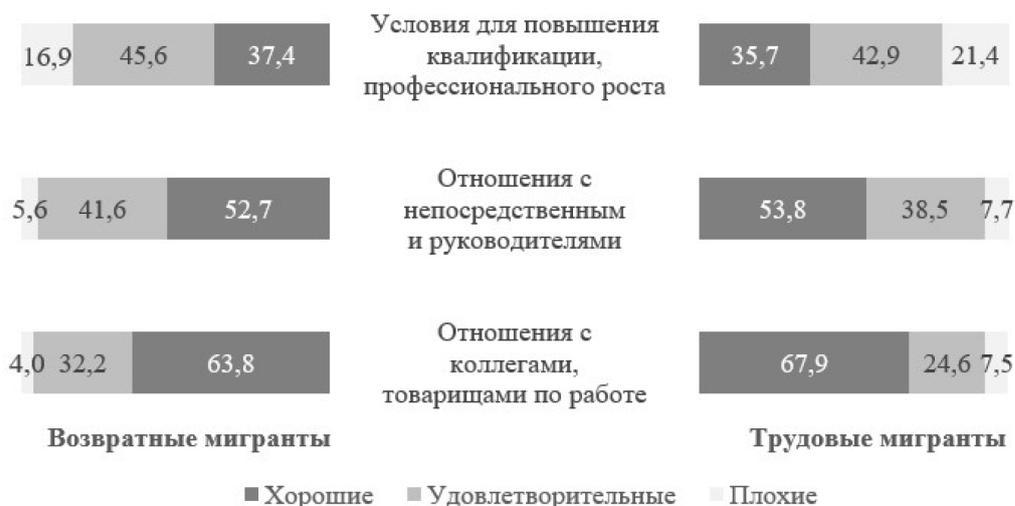

Рис. 3. Удовлетворенность трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами условий занятости⁸, %

Fig. 3. Satisfaction of Kyrgyz migrants with employment conditions, %

Рис. 4. Оценка трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами питания, одежды и материального обеспечения⁹, %

Fig. 4. Assessment of food, clothing and material security by labor and return Kyrgyz migrants, %

8 Составлено по данным авторского социологического исследования.

9 Составлено по данным авторского социологического исследования.

дентов, чем среди возвратных мигрантов, которые удовлетворены работой в целом.

Доля возвратных мигрантов, оценивающих положительно отношения с коллегами, товарищами по работе и отношения с непосредственными руководителями, чуть выше, чем доля трудовых мигрантов, считающих также. При этом доля трудовых мигрантов, отмечающих хорошие условия для повышения квалификации и профессионального роста в условиях миграции, чуть выше, чем доля возвратных мигрантов, придерживающихся этого же мнения.

Доля возвратных мигрантов, удовлетворенных своим качеством жизни, выше, чем доля трудовых мигрантов, считающих так же. При этом из трех индикаторов, характеризующих питание, одежду и материальное обеспечение, самый низкий уровень удовлетворенности мигрантов связан с материальным обеспечением.

Политика Кыргызской Республики в отношении возвратных мигрантов. Проблематика возвратной миграции отражена в программных документах миграционной политики Кыргызской Республики. Законы, регулирующие сферу миграции в Кыргызской Республике, были приняты в разные годы, при этом имеется множество редакций, что свидетельствует о гибком и оперативном подходе к регулированию миграционных процессов с учетом новым обстоятельств.

Анализ программных документов миграционной политики Кыргызской Республики выявил несколько черт, характерных для политики возвратной миграции в страну.

Во-первых, законы, регулирующие сферу миграции Кыргызской Республики, в основном затрагивают проблематику возвратной миграции этнических кыргызов¹⁰, лиц, ранее состоящих в гражданстве страны, и членов их семей¹¹. Незначительное внимание уделено возвращению трудовых мигрантов (а именно трудовых мигрантов, чей контракт трудоустройства был расторгнут¹²) и мигрантов в ситуации риска (детей мигрантов, оказавшихся в ситуации социального сиротства¹³, мигрантов, утративших удостоверение личности¹⁴, трудовых мигрантов, получивших увечья¹⁵, жертв торговли людьми¹⁶).

Существенным недостатком миграционной политики Кыргызской Республики в сфере возвратной миграции является отсутствие законов, регулирующих порядок возвращения учебных мигрантов. Согласно статистическим данным, их количество за рубежом ежегодно составляет более 10 тыс. человек (из которых 6668 кыргызских студентов обучаются в России [2], 1792 — в Турции и 1373 — в странах Европейского союза¹⁷). Ценность учебных мигрантов в возвратной миграции определяется тем, что они, как правило, увеличивают свой человеческий капитал за рубежом и по возвращении на родину могут стать существенным фактором развития Кыргызской Республики во всех сферах.

В этом же контексте недостатком является отсутствие программ возвращения трудовых мигрантов из числа свободных профессионалов (имеющих высокую квалификацию) и мигрантов-предпринимателей. Единственная мера поддержки — это возможность упрощенного порядка вступления в гражданство

10 Закон Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику» от 26 ноября 2007 г. №175 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

11 Закон Кыргызской Республики «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике» от 14 декабря 1993 г. №1296-ХII [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

12 Закон Кыргызской Республики «О внешней трудовой миграции» от 13 января 2006 г. №4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

13 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

14 Закон Кыргызской Республики «О внешней миграции» от 17 июля 2000 г. №61 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

15 Закон Кыргызской Республики «О внешней трудовой миграции» от 13 января 2006 г. №4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

16 Закон Кыргызской Республики «О предупреждении и борьбе с торговлей людьми» от 17 марта 2005 г. №55 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

17 По данным портала EUROSTAT [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 15.01.24).

страны. Условия вступления в гражданство в общем порядке предусматривает проживание на территории страны в течение пяти лет и трех лет при наличии особых оснований (высоких достижений, инвестиций)¹⁸.

При этом отмечается, что денежные переводы в Кыргызскую Республику являются важным фактором экономического развития и составляют 25–30% от ВВП страны (одним из самых высоких в мире). Однако население в целом и мигранты в частности имеют низкий уровень финансовой грамотности, не позволяющий им использовать рыночные финансовые и инвестиционные инструменты¹⁹.

Во-вторых, регулирование возвратной миграции требует комплексного подхода — функционирования политик интеграции и адаптации во всех сферах жизни. Законодательство Кыргызской Республики, затрагивающее проблематику возвратной миграции, делает акцент на политико-правовой интеграции на территории страны. Оно предусматривает несколько путей политико-правовой интеграции для возвратных мигрантов и потомков эмигрантов из Кыргызской Республики. Это упрощенный порядок вступления в гражданство при условии проживания в стране в течение одного года для тех, кто имеет родственников или проживал в стране в течение определенного времени²⁰. Установлены условия получения статуса соотечественника Кыргызской Республики²¹.

Предусмотрено получение статуса кайрылмана. Кайрылман — это «этнический кыргыз, являющийся иностранным гражданином или лицом без гражданства, добровольно переселяющийся в Кыргызскую Республику <...>; статус кайрылмана — времен-

ный правовой статус до приобретения гражданства Кыргызской Республики»²². То есть законодательство Кыргызской Республики устанавливает следующий порядок получения статуса кайрылмана: этническим кыргызам, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства и добровольно переселяющимся в Кыргызскую Республику.

В-третьих, законодательство Кыргызской Республики устанавливает ряд барьеров для политико-правовой интеграции для особых категорий потенциальных возвратных мигрантов. Так, гражданство утрачивается при обстоятельствах, связанных, например, с поступлением на военную службу иностранного государства²³.

Отказ в получении статуса кайрылмана может быть применен в отношении следующих лиц: 1) если они совершили преступление против мира и безопасности человечества; 2) если они разжигают межгосударственную, межнациональную и религиозную вражду; 3) если они выступают против суверенитета и независимости Кыргызской Республики, призывают к нарушению единства и целостности ее территории; 4) если они осуждены за террористическую деятельность или за убийство; 5) если они при подаче ходатайства о въезде сообщили о себе ложные сведения; 6) если это необходимо для защиты прав и законных интересов граждан Кыргызской Республики; 7) если они осуждены и отбывают наказание в виде лишения свободы — до истечения срока наказания²⁴.

В-четвертых, комплексные программы интеграции и адаптации возвратных мигрантов предусмотрены лишь для нескольких категорий мигрантов. Статус соотечественника

18 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

19 Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://migranty.org> (дата обращения: 15.01.24).

20 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

21 Закон Кыргызской Республики «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике» от 14 декабря 1993 г. №1296-ХII [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

22 Закон Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику» от 26 ноября 2007 г. №175 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

23 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

24 Закон Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику» от 26 ноября 2007 г. №175 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

предусматривает получение иностранцами ряда гражданских и трудовых прав на территории Кыргызской Республики (право на въезд/выезд без оформления визы, право на проживание без оформления вида на жительство, право на трудоустройство без оформления трудовой визы и разрешения на работу, право на одинаковые условия оплаты платных услуг наравне с гражданами Кыргызской Республики в сфере здравоохранения и образования). При этом соотечественники с иностранным гражданством ограничены в политических правах — они не могут занимать государственные и муниципальные должности в Кыргызской Республике²⁵. В настоящее время руководство Кыргызской Республики пытается содействовать переселению кайрылманов в страну и оказанию им всесторонней помощи на территории страны.

Обсуждение результатов. Таким образом, более благоприятное положение возвратных мигрантов по сравнению с трудовыми может объясняться тем, что возвратные мигранты уже улучшили свою ситуацию во время пребывания и получения заработков в другой стране и теперь хотят жить на родине. А возвратные мигранты, имеющие негативный миграционный опыт, имеют желание остаться в родной стране.

В целом результаты опроса трудовых и возвратных кыргызских мигрантов свидетельствуют о более благоприятном положении возвратных мигрантов, чем трудовых мигрантов. Этот вывод противоречит положениям ряда концепций трудовой миграции (неоклассической, человеческого капитала, теории миграции М. Тодаро, а также Дж. Харриса), согласно которым основным фактором трудовой миграции является разность экономических потенциалов стран отправления и стран приема мигрантов (в данном случае Кыргызской Республики и Российской Федерации) и ориентация мигрантов на максимизацию своего дохода [20].

С другой стороны, ряд других концепций миграции позволяют дать исчерпывающее объяснение полученным результатам. Так, новая экономическая теория миграции [23]

объясняет процесс перемещения не только с точки зрения желания максимизировать доход, но и с точки зрения минимизации рисков. События 2022 года (СВО и международные санкции в отношении России) вызвали ряд структурных изменений в России, связанных с ролью страны в международных отношениях, развитием экономической сферы, состоянием общественного мнения и социальных отношений. Все эти обстоятельства сказались на социально-экономическом положении трудовых мигрантов и стали причиной пессимистического самовосприятия трудовых мигрантов, выявленного в исследовании. Эта же теория позволяет объяснить полученные результаты не только с точки зрения объективных показателей положения трудовых и возвратных мигрантов в России и Кыргызской Республики, но и с точки зрения их субъективного самовосприятия, учитывая контекст состояния занятости, благополучия домохозяйств в целом. В этом случае пессимистическое самовосприятие трудовых мигрантов своего социального положения может быть связано с завышенными ожиданиями от миграции и сравнения своего положения с местными жителями (в пользу последних). А более благоприятное самовосприятие возвратных мигрантов может быть связано с накоплениями, сделанными во время трудовой миграции, особенностями самооценки в контексте социально-экономического положения соотечественников на родине.

Другое объяснение полученных результатов основывается на положениях неоклассической теории миграции, согласно которой миграция может быть временным решением для повышения человеческого капитала и доходов, чтобы в последствии воспользоваться ими на родине. Таким образом, возвратные мигранты — это не «аутсайдеры», которые не смогли адаптироваться за рубежом, а это «победители», которые успешно выполнили свои цели миграции и вернулись на родину [29].

Итак, раскрыть поведенческие характеристики возвратных мигрантов оказалось возможно с использованием качественной методологии социологических исследова-

²⁵ Закон Кыргызской Республики «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике» от 14 декабря 1993 г. №1296-ХII [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

ний. На основе результатов анкетирования и полуструктурированных интервью сформулированы основные факторы возвратной миграции в Кыргызской Республике. Данные факторы являются общими для разных видов миграции, но особенность состоит в ориентации людей на возвращение на родину.

Во-первых, это причины и цели миграции. Установлено, что абсолютное большинство кыргызских мигрантов ориентированы на временную миграцию с целью получения образования, трудоустройства, получения навыков, доходов (приращения человеческого капитала в целом) и последующего возвращения на родину.

Во-вторых, это особенности семейного положения мигрантов, в первую очередь социокультурная специфика семейной жизни. Установлено, что для кыргызов важное значение имеют семейные узы, состоящие из многочисленных родственников и имеющие характер транснациональной семьи. В этом случае возвращение в Кыргызскую Республику происходит под влиянием семейных связей мигрантов и желания воссоединиться с семьей.

В-третьих, это факторы выталкивания из страны приема мигрантов и факторы притягивания со стороны Кыргызской Республики. Факторами выталкивания кыргызских мигрантов из России являются проблемы легализации и ограниченность прав на территории страны (в сфере здравоохранения, пенсионного обеспечения), низкие возможности приобретения жилья и обеспечения достойного качества жизни, неблагоприятный социально-психологический климат, мигрантофобия. С другой стороны, факторы притягивания в Кыргызской Республике — это наличие в стране жилья и семьи, возможность открытия бизнеса и обеспечения достойного уровня жизни за счет доходов, полученных в эмиграции, высокий социальный капитал на родине, состоящий из родственников, друзей и коллег, политика страны в отношении возвратных мигрантов.

Таким образом, возвратная миграция с точки зрения факторов возвращения имеет многогранный характер, что отражает сложность миграционного процесса, разнообразие профилей мигрантов по видам миграции и социально-демографическим характеристикам.

Заключение. Возвратная миграция в Кыргызской Республике представляет собой динамичный процесс временного или постоянного перемещения под влиянием совокупности факторов выталкивания из стран приема мигрантов и факторов притяжения на родине.

Возвратная миграция в Кыргызской Республике является малоизученной темой. Имеющиеся научные публикации описывают особенности кыргызской возвратной миграции в категориях циркулярной, транснациональной миграции и возвратной мобильности. Причиной этого являются проблемы социально-экономической адаптации возвратных мигрантов на родине и неэффективность государственных программ поддержки этой категории граждан.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о более благополучном положении возвратных мигрантов, чем трудовых мигрантов. Этот неожиданный результат исследования может быть связан как с объективными изменениями в России и Кыргызской Республике и со сделанными накоплениями во время миграции, так и с особенностями субъективного самовосприятия мигрантами своего социального положения на родине. При интерпретации результатов следует учитывать, что результаты опроса представляют собой анализ субъективных самооценок мигрантов (которые отражены в ответах респондентов на вопросы), тем более что в исследовании не стояла самостоятельная задача оценить доходы, обеспеченность жильем и другие экономические и материальные характеристики. Несмотря на отмеченный вывод, исследование выявило ряд проблемных аспектов социального положения возвратных мигрантов, связанных с неудовлетворенностью экологической ситуацией, возможностями проведения отпуска, каникул и обеспечения семьи.

Анализ программных документов Кыргызской Республики, затрагивающих проблематику миграционной политики, показал, что регулирование возвратной миграции происходит преимущественно в контексте правовой интеграции мигрантов, при этом отмечается необходимость комплексной правовой, экономической, социокультурной и психологической адаптации и интеграции возвратных мигрантов.

Таким образом, Кыргызская Республика нуждается в более тщательном регулировании процессов возвратной миграции посредством совершенствования законодательства, принятия государственных программ, развития социальной инфраструктуры по работе с этой категорией граждан. Данные меры позволят улучшить положение возвратных мигрантов на родине, консолидировать их установку на оседлость, использовать их социально-экономический потенциал в развитии домохозяйств и Кыргызской Республики.

Список источников

1. Абашин С.Н. Возвращение домой и циркулярная мобильность: как кризисы меняют антропологический взгляд на миграцию // *Этнографическое обозрение*. 2017. №3. С. 5–15.

2. Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Статистический сборник / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Вып. 17(2020). М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 143 с.

3. Атокурова А. Т., Сайдинова М. Т. Проблемы трудовой миграции населения Кыргызской республики в условиях евразийской интеграции // *Вестник филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Кыргызской Республики*. 2021. №2(24). С. 32–37. DOI: 10.55428/16945727_2021_24_2_32.

4. Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии / Под ред. С.В. Рязанцева. Международная организация по миграции (МОМ). Алматы: Агентство ООН по миграции, 2020. 242 с.

5. Жампеисов Д., Рязанцев С., Перемышлин С., Жампеисов Д. Опыт стран Центральной Азии и Российской Федерации в вопросах управления этнической репатриацией // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Т. 23. №1. С. 138–152.

6. Канафина Г.Е. Социальная защита трудовых мигрантов в Кыргызской Республике

в условиях вхождения в ЕАЭС // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. №12–7. С. 128–131.

7. Матаева С.Ш. Трудовая миграция Кыргызстана и таможенный союз: преференции в сфере миграции и их результаты // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2016. №3. С. 176–179.

8. Махмадуллозода Н.Р. Реинтеграция возвращающихся трудовых мигрантов в странах Центральной Азии: правовые и экономические аспекты // *Фундаментальная наука и технологии — перспективные разработки: Материалы XIX международной научно-практической конференции (North Charleston, 10–11 июня 2019 г.)*. North Charleston: LuluPress, Inc., 2019. С. 127–133.

9. Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты монография / Г.И. Осадчая, Ш.И. Алиев, М.Л. Вартанова и др.; под общ. ред. Г.И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. М.: Экон-Информ, 2023. 323 с.

10. Сабирова Г.А. «Возвращение после возвращения»: повторная трудовая миграция в Россию // *Этнографическое обозрение*. 2017. №3. С. 63–75.

11. Саякбаева А.А., Таалайбек М., Джакипова М.А. Миграция населения Кыргызстана // *Известия Иссык-кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии*. 2018. №4-2(23). С. 75–84.

12. Сивоплясова С.Ю., Войнов С.М., Письменная Е.Е. Гендерные особенности возвратной миграции в страны Центральной Азии // *Бизнес. Образование. Право*. 2022. №1(58). С. 1925–1928.

13. Торогельдиева Б.М. Миграция кыргызских граждан в Россию: возможности и риски // *Развитие территорий*. 2020. №4(22). С. 6772. DOI: 10.32324/2412-8945-2020-4-67-72.

14. Эргешбаев У.Ж., Ешенова С.Е., Муратова Ч.К. Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2016. №1(66). С. 38–47.

15. Эргешбаев У.Ж., Кариев Б.Ч., Муратова Ч.К. Доходы трудовых мигрантов и их роль в экономическом развитии Кыргызстана и Таджикистана // *Вестник филиала фе-*

дерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики. 2017. №16. С. 48–52.

16. Bailey J. A., Law A. K. Return migration and Hong Kong's diverse circuits of mobility // *Asian Geographer*. 2013. Vol. 30(1). Pp. 21–35.

17. Gmelch G. Who Returns and Why: Return Migration Behaviour in Two North Atlantic Societies // *Human Organization*. 1983. Vol. 42(1). Pp. 46–54.

18. Grosa D., King R. The Challenges of Educational Reintegration and the Psychosocial Wellbeing of Returnee Children: Evidence from Latvia // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. №24(2). Pp. 407–426. DOI: 10.1007/s12134-022-00960-3.

19. Guzmán Elizalde L. Return to Mexico: Exploring Reintegration Experiences // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 465–483. DOI: 10.1007/s12134-022-00962-1.

20. Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis // *American Economic Review*. 1970. Vol. 60. Pp. 126–142.

21. King R. Return Migration: A Neglected Aspect of Population Geography // *Area*. 1978. Vol. 10(3). Pp. 175–182.

22. Kirdar M. G. Estimating the impact of Immigrants on the Host Country Social Security System When Return Migration is an Endogenous Choice // *International Economic Review*. 2012. Vol. 53(2). Pp. 453–486.

23. Massey D. A Synthetic theory of international migration // *World in the mirror of international migration*. 2002. Vol. 10. Pp. 143–153.

24. McHugh K. E. Inside, Outside, Upside Down, Backward, Forward, Round and Round: A Case for Ethnographic Studies in Migration // *Progress in Human Geography*. 2000. Vol. 24(1). Pp. 71–89.

25. Mueller C., Kusminder K. Beyond «Just Comes» and «Know-It-Alls»: Exploring Strategies to Deal with Returnee Stigmas During Diaspora Return Visits for Knowledge Transfer // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 427–443. DOI: 10.1007/s12134-022-00975-w.

26. Sagynbekova L. The Impact of International Migration. Process and Contemporary

Trends in Kyrgyzstan. Berlin: Springer, 2016. 315 p. DOI: 10.1007/978-3-319-26991-7.

27. Serra-Mingot E., Rudolf M. On the Same Wavelength? Differing Geopolitical Positionalities and Voluntary Return and Reintegration in Ghana // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 485–502. DOI: 10.1007/s12134-022-00958-x.

28. Shaidrova M. Performing a ‘Returnee’ in Benin City, Nigeria // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 503–520. DOI: 10.1007/s12134-022-00976-9.

29. Tezcan T. ‘I (do not) know what to do’: how ties, identities and home states influence Mexican-born immigrants’ return migration intentions // *Migration and Development*. 2018. Vol. 7(3). Pp. 388–411.

30. Wanki P., Derluyn I., Lietaert I. The Geopolitics of the Family: Negotiating Return and its Impact on the Reintegration of Cameroonian Returnees // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24. Pp. 521–538. DOI: 10.1007/s12134-022-00957-y.

References

1. Abashin S. N. Vozvrashhenie domoj i cirkuljarnaja mobil’nost’: kak krizisy menjajut antropologicheskij vzgljad na migraciju [Homecoming and circular mobility: how crises are changing the anthropological view of migration]. *Jetnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*. 2017; (3): 5–15. (In Russ.).

2. Aref’ev A. L. Obuchenie inostrannyh grazhdan v obrazovatel’nyh organizacijah vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. Statisticheskij sbornik [Training of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical collection]. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. Issue 17 (2020). Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2020. 143 p. (In Russ.).

3. Attokurova A. T., Sajdinova M. T. Problemy trudovoj migracii naselenija Kyrgyzskoj respubliky v uslovijah evrazijskoj integracii [Problems of labor migration of the population of the Kyrgyz Republic in the context of Eurasian integration]. *Vestnik filiala federal’nogo gosudarstvennogo bjudzhetnogo obrazovatel’nogo uchrezhdenija vysshego obrazovanija «Rossijskij gosudarstvennyj social’nyj universitet» v g. Osh*

Kirgizskoj Respubliki [Bulletin of the branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian State Social University» in Osh, Kyrgyz Republic]. 2021; 2(24): 32–37. DOI: 10.55428/16945727_2021_24_2_32. (In Russ.).

4. Vozvratnaja migracija: mezhdunarodnye podhody i regional'nye osobennosti Central'noj Azii [Return migration: international approaches and regional features of Central Asia]. Pod red. S.V. Rjazanceva [In S.V. Ryazantsev (eds.)]. Mezhdunarodnaja organizacija po migracii (MOM). Almaty: Agentstvo OON po migracii, 2020. 242 p. (In Russ.).

5. Zhampeisov D., Rjazancev S., Peremyshlin S., Zhampeisov D. Opyt stran Central'noj Azii i Rossijskoj Federacii v voprosah upravlenija jetnicheskoj repatriaciej [The experience of the countries of Central Asia and the Russian Federation in the management of ethnic repatriation]. *Central Asia and the Caucasus* [Central Asia and the Caucasus]. 2020; 23(1): 138–152. (In Russ.).

6. Kanafina G.E. Social'naja zashhita trudovyh migrantov v Kyrgyzskoj Respublike v uslovijah vhozhdenija v EAJeS [Social protection of migrant workers in the Kyrgyz Republic in the context of joining the EAEU]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2015; (12-7): 128–131. (In Russ.).

7. Mataeva S. Sh. Trudovaja migracija Kyrgyzstana i tamozhennyj sojuz: preferencii v sfere migracii i ih rezul'taty [Labor migration of Kyrgyzstan and the Customs Union: preferences in the field of migration and their results]. *Nauka, novye tehnologii i innovacii Kyrgyzstana* [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]. 2016; (3): 176–179. (In Russ.).

8. Mahmaddullozoda N.R. Reintegracija vozvrashhajushihhsja trudovyh migrantov v stranah Central'noj Azii: pravovye i jekonomicheskie aspekty [Reintegration of returning migrant workers in Central Asian countries: legal and economic aspects]. Fundamental'naja nauka i tehnologii — perspektivnye razrabotki: Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (North Charleston, 10–11 ijunya 2019 g.) [Fundamental science and technology — promising developments: Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference (North Charleston, June 10–11,

2019)]. North Charleston: LuluPress, Inc., 2019. Pp. 127–133. (In Russ.).

9. Migracija iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskie i sociologicheskie aspekty monografija [Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects monograph]. G.I. Osadchaja, Sh. I. Aliev, M.L. Vartanova et al.; pod obshh. red. G.I. Osadchej; FNISC RAN. Moscow: Jekon-Inform, 2023. 323 p. (In Russ.).

10. Sabirova G.A. «Vozvrashhenie posle vozvrashhenija»: povtornaja trudovaja migracija v Rossiju [«Return after return»: repeated labor migration to Russia]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2017; (3): 63–75. (In Russ.).

11. Sajakbaeva A.A., Taalajbek M., Dzhakipova M.A. Migracija naselenija Kyrgyzstana [Migration of the Kyrgyz population]. *Izvestija Issyk-kul'skogo foruma buhgalterov i auditorov stran Central'noj Azii* [Proceedings of the Issyk-Kul Forum of Accountants and Auditors of Central Asian countries]. 2018; 4-2(23): 75–84. (In Russ.).

12. Sivopljasova S. Ju., Vojnov S.M., Pis'mennaja E.E. Gendernye osobennosti vozvratnoj migracii v strany Central'noj Azii [Gender characteristics of return migration to Central Asian countries]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. 2022; 1(58): 1925–1928. (In Russ.).

13. Torogel'dieva B.M. Migracija kyrgyzskih grazhdan v Rossiju: vozmozhnosti i riski [Migration of Kyrgyz citizens to Russia: opportunities and risks]. *Razvitie territorij* [Development of territories]. 2020; 4(22): 6772. DOI: 10.32324/2412-8945-2020-4-67-72. (In Russ.).

14. Jergeshbaev U. Zh., Eshenova S.E., Muratova Ch. K. Sovremennaja vneshnjaja trudovaja migracija naselenija Kyrgyzstana [Modern external labor migration of the Kyrgyz population]. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Serija obshhestvennyh nauk* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. A series of social sciences]. 2016; 1(66): 38–47. (In Russ.).

15. Jergeshbaev U. Zh., Kariev B. Ch., Muratova Ch. K. Dohody trudovyh migrantov i ih rol' v jekonomicheskom razvitii Kyrgyzstana i Tadzhikestana [Incomes of migrant workers and their role in the economic development

of Kyrgyzstan and Tajikistan]. *Vestnik filiala federal'nogo gosudarstvennogo bjudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego obrazovaniya «Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet» v g. Osh Kirgizskoj Respubliki* [Bulletin of the branch of the Federal State budgetary educational institution of higher education «Russian State Social University» in Osh, Kyrgyz Republic]. 2017; (16): 48–52. (In Russ.).

16. Bailey J.A., Law A.K. Return migration and Hong Kong's diverse circuits of mobility. *Asian Geographer*. 2013.: 30(1): 21–35.

17. Gmelch G. Who Returns and Why: Return Migration Behaviour in Two North Atlantic Societies. *Human Organization*. 1983: 42(1): 46–54.

18. Grosa D., King R. The Challenges of Educational Reintegration and the Psychosocial Wellbeing of Returnee Children: Evidence from Latvia. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 407–426. DOI: 10.1007/s12134-022-00960-3.

19. Guzmán Elizalde L. Return to Mexico: Exploring Reintegration Experiences. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 465–483. DOI: 10.1007/s12134-022-00962-1.

20. Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis. *American Economic Review*. 1970; (60): 126–142.

21. King R. Return Migration: A Neglected Aspect of Population Geography. *Area*. 1978; 10(3): 175–182.

22. Kirdar M.G. Estimating the impact of Immigrants on the Host Country Social Security System When Return Migration is an Endogenous Choice. *International Economic Review*. 2012; 53(2): 453–486.

23. Massey D. A Synthetic theory of international migration. *World in the mirror of international migration*. 2002; (10): 143–153.

24. McHugh K.E. Inside, Outside, Upside Down, Backward, Forward, Round and Round: A Case for Ethnographic Studies in Migration. *Progress in Human Geography*. 2000; 24(1): 71–89.

25. Mueller C., Kuschminder K. Beyond «Just Comes» and «Know-It-Alls»: Exploring Strategies to Deal with Returnee Stigmas During Diaspora Return Visits for Knowledge Transfer. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24 (2): 427–443. DOI: 10.1007/s12134-022-00975-w.

26. Sagynbekova L. The Impact of International Migration. Process and Contemporary Trends in Kyrgyzstan. Berlin: Springer, 2016. 315 p. DOI: 10.1007/978-3-319-26991-7.

27. Serra-Mingot E., Rudolf M. On the Same Wavelength? Differing Geopolitical Positionalities and Voluntary Return and Reintegration in Ghana. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 485–502. DOI: 10.1007/s12134-022-00958-x.

28. Shaidrova M. Performing a 'Returnee' in Benin City, Nigeria. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 503–520. DOI: 10.1007/s12134-022-00976-9.

29. Tezcan T. 'I (do not) know what to do': how ties, identities and home states influence Mexican-born immigrants' return migration intentions. *Migration and Development*. 2018; 7(3): 388–411.

30. Wanki P., Derluyn I., Lietaert I. The Geopolitics of the Family: Negotiating Return and its Impact on the Reintegration of Cameroonian Returnees. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; (24): 521–538. DOI: 10.1007/s12134-022-00957-y.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 26.12.2023; approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1

Galina I. Osadchaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Research of Socio-demographic processes in the EAEU, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotieva str., bld. 1, Moscow, Russia

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН). Специалист в области прикладных социологических исследований, теории и практики социальной работы и некоммерческих организаций. Исполнитель ряда грантовых и инициативных социологических исследований.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Olga A. Volkova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Researcher of the Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS). Specialist in applied sociological research, theory and practice of social work and non-governmental non-profit organizations. Author of a number of grant and initiative sociological studies.

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Оставная Алла Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и социальные технологии», Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

Молдова, г. Тирасполь, ул. Горького, 110б

Alla N. Ostavnaia — Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor at the Department of Sociology and Social Technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University.

110b Gorkogo str., Tiraspol, Moldova

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
